

Запад и Россия: мера общности и различий

Ю.А. Красин, доктор философских наук

Доклад А.И. Фурсова оставляет у меня весьма противоречивое впечатление. Несомненно, это доклад очень высокого уровня; сразу видно, что он сделан специалистом. Излагаемая в докладе концепция — судя и по сегодняшнему выступлению,

и по заранее представленному тексту — выношена, можно сказать, «выстрадаана» автором, стала его глубоким внутренним убеждением. Я согласен и с основополагающей идеей доклада: нельзя трактовать российское общество на основе имитации представлений, заимствованных из чужого опыта. Именно такой, ошибочной методологической установке упрямо следуют многие наши либерально мыслящие идеологи, несмотря на очевидные провалы в теории и политике. Даже признавая под давлением фактов, что западные институты, механически пересаженные на российскую почву, здесь не приживаются, они усматривают причину не в ошибочности самого подхода, а в незрелости российских условий. Никаких допущений, что генезис российского общества, отличающийся большим своеобразием, создает потребность в каких-то иных социальных и политических институтах.

Я согласен и с тем, что в осмыслении современной российской действительности и выстраивании политической стратегии для России на XXI в. надо исходить из анализа российских исторических традиций и той системы ценностей, которая складывалась у нас веками, приобретая свой особый облик и собственную идентичность. Конечно, это не значит, что опыт других стран, сублимированный в утвер-

дившихся там общественных институтах, нам неинтересен. Совсем наоборот, он очень важен для трансформирующегося российского общества. Особенно это относится к европейским странам, с которыми Россия на протяжении многих столетий «варилась в общем историческом котле». Но этот, отнюдь не чуждый нам опыт должен быть воспринят сквозь призму нашей российской действительности. И вот тут позиция докладчика вызывает у меня серьезные концептуальные возражения.

В докладе политическая система России полярно противопоставлена тому международному опыту, из обобщения которого выросла современная политическая наука. Следовательно, она неприменима в российских условиях. Категории политологии — в частности, категория «власть» — в России, по мнению автора, имеют совсем иной смысл, нежели в западных странах. Это не власть в традиционном понимании, и для выражения ее российского смысла предлагается даже другой термин — «центроверх». В отличие от других стран, политическое развитие России происходило в контексте евразийской истории, и ее властные институты и практики представляют собой православный ответ на евразийский степной вызов. Поэтому гражданское общество, демократия, правовое государство здесь не получили развития, а вместо этого утвердилось самодержавие как адекватный российским условиям властный механизм защиты общественных интересов и системного самоограничения социума в суровой природной среде. Любые попытки «вестернизации» российской политической системы, с этой точки зрения, неминуемо ведут к ее деградации.

Думается, главный изъян предлагаемой в докладе концепции заключается вовсе не в том, что автор акцентирует внимание на специфике политической истории России. Эта специфика действительно очень велика. Она бросается в глаза, и было бы глупо оспаривать приводимые на этот счет в докладе доводы. Главный методологический изъян

авторской концепции состоит в том, что нарушена *мера общего и особенного* в сравнительном анализе политического развития России и западных стран. Можно даже сказать, что полярное противопоставление России другим странам вообще снимает проблему общего и особенного, что выглядит довольно странным с точки зрения логики всемирной истории.

Между тем, если не сводить диалектику общего и особенного к конструированию неких единых трафаретных схем, поглощающих плюрализм общественного развития, то в российской политической истории мы найдем немало черт и потребностей, проявившихся (конечно, в своеобразных формах) в истории западных стран. И наоборот: то, что часто выдается за российскую специфику, так или иначе проявляется в других странах (опять-таки своеобразно и не всегда легко узнаваемо).

В российской истории, несмотря на господство самодержавия, проявлялись и такие формы политического развития, которые были присущи Западу. Во второй половине XVI в., когда, по утверждению автора доклада, оформилась структура русской самодержавной власти («центроверха»), давали о себе знать и зародышевые явления народного представительства в деятельности созываемых царем земских соборов.

Обратимся к свидетельствам историков. Рассматривая функции и состав земских соборов второй половины XVI в., В.О. Ключевский отмечал, что здесь «правительство встречалось с обществом». Правда, участники соборов выступали «не представителями общества или земли, а носителями службы, общественными орудиями центрального управления». Собор был «в точном смысле *совещанием правительства с собственными агентами*». «Управляемое общество», которое «жило и работало в рамках этой организации», рассматривалось «не как политическая сила, способная говорить на соборе устами своих уполномоченных, не как *граж-*

данство, а как *паства*, о благе которой могут думать сообща только ее настоятели»¹.

Казалось бы, сказанное подтверждает, что земские соборы — это фикция при всеильном самодержавии. Однако вслед за приведенными цитатами В.О. Ключевский замечает: «Нужно было пережить страшное потрясение, испытанное государством в начале XVII в., чтобы переменить этот взгляд на народное представительство и сообщить дальнейшим земским соборам настоящий, не фиктивный представительный состав»².

Уже в конце XVI в., после смерти Ивана Грозного земский собор, по словам русского историка, «получил учредительное значение», избирая царя. Конечно, по-прежнему все определял «центроверх», но огромное социально-психологическое значение имело то, что «здесь боярско-приказное правительство становилось рядом с людьми из управляемого общества как со своею политической ровней»³.

Таким образом, земские соборы 1584 и 1598 гг. явились составной частью легитимации власти. Власть нуждалась в такой легитимации. По свидетельству С.М. Соловьева, Борис Годунов «не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывают, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран земским собором. ...В этом только выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле»⁴.

Подытоживая свои суждения о роли земских соборов в XVI в., В.О. Ключевский пишет: «Зарождалась новая идея народа, не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителей этой государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю»⁵.

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. М., 1957. С. 381–383.

² Там же. С. 383

³ Там же. С. 393.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Книга IV. М., 1989. С. 338.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С, 395.

Мы можем констатировать, что в России, как и на Западе, в XVI–XVII вв. существовала тенденция к развитию властных форм народного представительства. Почему — в отличие от Запада — эта тенденция не преодолела абсолютизм верховной власти и не дала такой же мощный импульс развитию гражданского общества и представительной демократии? В этом и состоит вопрос о своеобразии политического развития России. Оно обусловлено масштабами и культурным многообразием страны, требовавшими централизации власти, обусловлено тяжкими последствиями господства Золотой Орды, заложившим фундамент жестко бюрократических форм правления и конфронтационной политической культуры, обусловлено духовным расколом общества, развивавшегося в социокультурном пространстве на перекрестке разных цивилизационных влияний, и многими другими причинами. Таковы глубинные истоки силы авторитарной традиции, изменившей траекторию политического развития России по сравнению с Западом.

Но это не значит, что Россия выпала из мейнстрима и должна искать для себя какое-то иное русло развития, выходящее за пределы основных категорий гуманитарной науки. О том, что это не так, свидетельствует общность основных тенденций и потребностей развития, связывающих Россию с другими странами.

Между прочим, многие черты политического развития, характеризующиеся в докладе как специфически российские, имели место и в истории западноевропейских стран. В России, отмечает автор, власть «надзаконна». А что, на Западе не было «надзаконности»? Что они там все белые и пушистые? Вспомним революционные периоды развития этих стран. Английская революция XVII в. создала прецедент казни короля. Еще более яркие примеры «надзаконности» дает Французская буржуазная революция. Как справедливо замечал Г.В. Плеханов, в революционные периоды закон отступает на второй план, потому что господствующая система

права закрепляет исторически изжившие себя общественные порядки и вступает в противоречие с революционным правосознанием, выражающим волю народа к изменению существующего положения и утверждению новых порядков. *Salus populi suprema lex esto* — воля народа есть высший закон. Такова политико-правовая парадигма всех революций. Проблема здесь в том, чтобы искать и находить наиболее безболезненные способы революционных трансформаций, минимизирующие «надзаконность» и обеспечивающие историческую преемственность в развитии фундаментальных прав человека и человеческого общежития. И это общечеловеческая проблема, которая касается всех стран и народов.

Мне могут возразить, что «надзаконность» власти в России проявляется не только в революционные периоды, но и, так сказать, в обычное время. Но ведь то же самое происходит и в других странах. Возьмите любую самую демократическую страну Запада, и вы найдете множество тому подтверждений. Различие между нами проходит не по линии *наличия* или *отсутствия* «надзаконности». Оно проходит совсем по другой линии. На Западе исторически сложилась глубоко эшелонированная система обороны против «надзаконности» власти, ограничивающая ее возможности. У нас такая система еще только формируется, при этом в условиях глубоких общественных трансформаций, в том числе и в области права и правосознания. Следовательно, для произвольных действий власти открыт гораздо более широкий простор.

Различие между Россией и Западом очень существенно, но нет оснований превращать его в непроходимую пропасть. Ведь Россия — органическая часть глобализирующегося социума. На протяжении веков она впитывала в себя влияния тех регионов мира, с которыми тесно взаимодействовала. Пожалуй, на первом месте здесь стоит Европа.

Я разделяю мысль автора о том, что российскую историю нельзя рассматривать только как внутреннюю, национальную. Это часть мировой истории. Докладчик принимает

внешнее влияние по отношению к Востоку. И это правильно. Золотая Орда действительно оказала огромное воздействие на развитие российского общества и, в частности, придала ему такой поворот, который усилил авторитарные черты и свойства российского государства. Однако если Вы признаете российскую историю частью мировой истории в «евразийской ипостаси», то почему отгораживаете ее от европейского потока мировой истории? Взаимодействие России с Западом было, во всяком случае, не менее сильным и значимым, чем с Востоком. Ведь, в конце концов, и Рюрик пришел княжить на Руси с Запада, а не с Востока. А в XVIII и XIX вв. Россия «варилась» в общем котле европейской политики (а Европа была тогда главным центром мировой политики) и выступала на европейской политической сцене одним из ведущих акторов.

И в социально-политическом, и в культурном отношении Россия — это, несомненно, Европа. В то же время это — другая, самобытная Европа. Европа с глубоко укоренившимися восточными традициями и культурой, обладающая своей качественной спецификой. Взять хотя бы уже упомянутую устойчивую тенденцию к *централизации* власти. Такая тенденция присутствует и в истории европейских стран в период становления абсолютизма. Но там она была уравновешена развитием гражданского общества и местного самоуправления. В России же эта тенденция продолжала доминировать (и доминирует до сих пор) из-за обширности территории, потребности в перманентных мобилизационных усилиях для их развития (например, освоение Сибири), социокультурного плюрализма необъятного российского социума. Для того чтобы удержать это громадное и многомерное многообразие в рамках некоей целостности, *необходимы* были жесткие обрuchi централизованного государственного управления.

Все эти обстоятельства, конечно, влияли и влияют на общественно-политическое развитие России, затрудняли и затрудняют развитие рыночных отношений, общенацио-

нальных форм коммуникации, становление гражданского общества и демократических форм правления. Очевидно, в этой специфике России заложены основания существенных отличий от Европы, где политическое развитие происходило на сравнительно небольшом «пяточке», в системе более «плотных» коммуникаций. Это приводило к острым социально-классовым столкновениям и кровавым войнам, но, вместе с тем, ускоряло и интенсифицировало общественные процессы, стимулировавшие демократическое развитие (возникновение национальных рынков, становление гражданского общества и представительной демократии, формирование культуры толерантности).

Какое будущее открывается перед Россией? Докладчик ставит нас перед дилеммой: либо распад страны по примеру СССР, либо новый цикл жесткого авторитаризма. Судя по сегодняшним репликам, он не исключает и варианта утверждения «неоопричнины». Мне представляется, что все эти варианты равнозначны отсутствию у России какой-либо перспективы. Дело в том, что авторитаризм (в терминологии автора доклада — «центроверх») в нынешней исторической ситуации не может вывести Россию из системного кризиса и включить ее в число ведущих стран мирового сообщества. Можно привести множество аргументов в пользу этого утверждения. Обозначу лишь один из наиболее существенных.

Поступательное развитие России сегодня зависит от того, сумеет ли она освоить *инновационный тип развития*, который определяется не столько вещественными факторами производства, сколько интеллектуальными ресурсами, знаниями, творческим потенциалом общества, человеческим и социальным капиталом. Эта истина осознана нынешней российской властью, которая выдвинула программу инновационного развития страны. Однако реализация этой программ требует формирования работника креативного типа, создания в обществе атмосферы творческой свободы. «Центроверх» и опричнина неспособны решить такого

рода задачу. Для этого необходимы свобода и демократия. Действительная дилемма, перед которой оказалась Россия в начале XXI в., такова: либо тупик жесткой автократии, либо российское общество сумеет эволюционировать от режима «мягкого авторитаризма» к более демократическим формам правления. Выбор очень трудный, но шансы есть.

И. Репин. Торжественное заседание Государственного совета